

Дожить по-русски

«Дядя Ваня» Римаса Туминаса

НА ФЕСТИВАЛЕ «ДУЭЛЬ»

рекомендует Георгий Песков

СРАЗУ ЖЕ ПОСЛЕ сентябрьской премьеры в Театре им. Вахтангова этот спектакль объявляли центральным событием столичного театрального сезона. Помимо художественных достоинств были и политические обстоятельства. «Дядю Ваню» худрук Вахтанговского театра ставил в условиях кадровой войны, развязанной корифеями труппы, — им в постановках Туминаса мерещилось непочтительное отношение к системе Станиславского и к русской классике вообще. Противостояние закончилось полной творческой и административной победой режиссера.

Для самого Туминаса «Дядя Ваня» стал первой постановкой в Москве, которая масштабом и глубиной походила бы на сделавшие ему имя легендарные спектакли Малого театра Вильнюса. В репертуаре Вахтанговского «Дядя Ваня» занял пустовавшее лет пятнадцать место флага, представляющего лучшие актерские силы в выдающемся режиссерском контексте. Это наиболее убедительная постановка из выпущенных к юбилею Антона Павловича и просто лучший в Москве Чехов. Смотреть его в Петербурге будет особенно интересно: в то же время, что и Вахтанговский театр, неслабым «Дядей Ваней» обзавелась Александринка. Соседствуя бок о бок в программе фестиваля «Дуэль», спектакли американского румына Анд-

рея Щербана и литовца Туминаса обнаруживают неожиданное сходство двух видных западных режиссеров во взглядах на Чехова. Черты лица у московского «Дяди Вани» подчеркнуто прибалтийские — и в общем, и в деталях узнается литовская режиссура. О Чехове Туминаса не перестают спорить с премьеры, признавая масштаб и резко расходясь в оценках.

Настроение спектакля сумрачное, урюмость сменяется в лучшем случае иронией. На сценическую пустошь из глубины наползает туман, поглотивший усадьбу. У арьера сцены — брошенный пообтрепавшийся садово-скульптурный лев, справа примостился верстак, за ним выпивают, на нем занимаются любовью, есть запывлившееся пианино с отбитой ножкой; холодное пространство, пригодное не для жизни, а скорее для дожития.

Каждый из доживающих у Туминаса по своему прекрасен: вахтанговский «Дядя Ваня» — редкий образец современного режиссерского театра, в котором от актера зависит очень многое. Ключевая стихия — ирония, эксцентрика, бурлеск. Режиссер не устает лукаво потешаться лично над каждым из обиженных судьбой чеховских героев. Наслаждается своей подагрой эксгибиционист Серебряков, страдающий особо сладоострастной формой дисморфомании, ковыляет брутальный плебей доктор Аст-

Холодное пространство,
пригодное не для жизни,
а скорее для дожития

ров, устраивает форменный цирк обладатель чаплинского котелка приживала Телегин. Над фриками этой богадельни возвышается в заглавной роли Сергей Маковецкий — нелепо трогательный полустарик-полуребенок, которого постоянно душат слезы. К своим сорока семи он так и не научился жить по-человечески, и на возлюбленную Елену Андреевну запрыгивает с ногами едва раздевшись. Войницкий у Маковецкого — безвольное тесто, можно вылепить что угодно: в финальной сцене он послушно смотрит на небо, где Соня, такой же постаревший подросток, выцеливает грядущие алмазы, и уходит в туман со смастеренной ею же мученической улыбкой.

Может показаться, что Туминас инсценировал «Дядю Ваню» в схожем со Щербаном ключе, ошестив слова из пьесы о серых пятнах вместо людей, которых затянула и сделала пошляками обывательская жизнь. Но отрезвляющий от похмельных надежд и иллюзий цинизм Александринского «Дяди Вани» чужд московскому спектаклю. В нем скорее гуманистически страдают, и в немалой степени с подачи Фаустаса Латенаса, постоянного композитора Някрошюса и Туминаса. Его музыка непрерывно звучит в вахтанговском «Дяде Ване» все три часа действия, насыщая пустошь эмоциональным озоном.

Балтийский дом, 4 и 5 ноября, 19.00